

Annotation

Аристарх и Федора, друзья детства. Их разлучили, когда они только-только поняли свои чувства друг к другу и разобрались в них. Им запретили встречаться по многим причинам. И последующие шесть лет Аристарх доказывал всему миру и себе, что достоин любви своей малышки Федоры. Смогут ли они сохранить их юношеские чувства и пронести с собой через невзгоды и расстояния? Ростислав Романов, целеустремленный и спокойный человек, немного замкнутый, всегда знал, чего хочет от жизни. И однажды он захотел дерзкую девушку Марию, вначале укротить, а потом и пленить сердце юной красавицы. А сможет ли? Ведь Мария считает его своим врагом.

* * *

Натализа Кофф

Подарок для меня или Мы все еще Враги?

1

Аристарх

Проезжая мимо старого дворика, где я провел все свое детство и юность, попросил шофера остановиться. В этот хмурый весенний день, когда зима никак не хотела сдавать позиции, а весна все еще не решалась отвоевать свое право царствовать, мне как никогда захотелось подумать, посидеть, легонько покачиваясь на стареньких скрипучих качелях. Вспомнить прошлое, оценить настоящее, подумать о будущем. Андрей, выйдя из машины, открыл мою дверь. Проигнорировав трость, я вышел.

– Жди здесь, – тихо попросил я водителя, а сам, прихрамывая, побрел по дворнику, в котором вырос. Вот тут, за шатким деревянным столом, соседские старички играли в шахматы. А тут хулиганы отлавливали кошек и привязывали к хвостам пустые консервные банки.

Подошел к качелям, осторожно присел, опасаясь, как бы они не развалились под весом моего тела. Протяжный стон сообщил мне, что со времен детства и юности я несколько подрос и потяжелел.

Посмотрел на хмурое небо. Начало марта, весна, а кажется, будто октябрь в самом разгаре. Взгляд задержался на соседнем месте. Оно пустовало. Воспоминания нахлынули, сменяясь картинками, одно за другим. Вспомнил такой же весенний день, только много лет назад.

В памяти появилась перепачканная девчоночья мордашка, с бантиками, грозившими вот-вот упасть, хозяйка этих самых бантов подошла ко мне, с интересом рассматривая как зверька в зоопарке, и держа в руках какую-то дубину, превышавшую ее в размерах и весе. Девочка была на несколько лет младше меня.

– Привет, – прощепетала она весело, и, шмыгнув носом, присела на качели рядом, – Я Федора.

Я нахмурился, не очень хотелось заводить новые знакомства, мне бы со старыми разобраться. Для всего двора я был прокаженным и изгоем. Со мной никто не играл, друзей не было. Да и кто захочет водиться с хромым мальчишкой, который-то ни бегать, ни стрелять из рогатки, ни драться не умеет, а ходит с костылями в обнимку.

– Чего надо? – грубо спросил я.

– Ничего, – нахмурилась девочка со странным именем Федора, – Я тут подумала, ты ведь ни с кем не дружишь? И со мной никто не хочет, – как-то грустно сказала она, – Давай дружить?

Я нахмурился? И зачем мне такое счастье? Потом, посмотрев в ее глазенки, согласился.

– Тебя, правда, Федором зовут? – уже менее враждебно уточнил я.

Девочка, улыбнувшись, кивнула.

– Божий дар, – со знанием дела сказала она, подняв вверх указательный палец, – Федора – Божий дар, это мама моя так сказала. А вообще, если честно, – уже по секрету добавила малышка, – я сама не понимаю, зачем меня так назвали. У всех имена, как имена, а у меня... Эх, а тебя-то как звать, друг?

– Аристарх, – улыбнулся я.

Вот так и началась наша дружба. Федора с почетом носила звание моего лучшего друга. Веселила меня, съедала все конфеты, когда мы пили чай у меня дома, защищала от детворы. Дралась почти каждый день, когда кто-то дразнил ее лучшего друга, меня, то есть. Я уже привык и практически не замечал смешков и оскорблений хулиганов, а вот малышка все воспринимала в штыки. Но, нужно отдать ей должное, в двенадцать лет ее боялся весь двор, и старался не связываться с 'Бешеным Федором', как ее окрестили мальчишки из соседнего двора. Я же ее только ругал, говоря, что драться не хорошо, она леди, как-никак, а леди не дерутся. На что Федора просто показывала мне язык и тащила обрабатывать ей очередное боевое ранение.

Каждый день с Федорой приносил что-то новое и веселое. Она научила меня смеяться.

В тайне от друга Федоры я начал интересоваться рукопашным боем, один из друзей отца привел меня в секцию, для таких же людей, как и я, с физическими недостатками. Мне всегда хотелось защищать боевую подругу, как и она меня когда-то. Время шло, и теперь я уже хромал меньше, продолжая использовать только трость при ходьбе.

Когда я учился в выпускном классе, начал замечать, как на меня смотрят девчонки-одноклассницы. Некоторые с интересом, некоторые с ноткой брезгливости. Но на них мне было плевать. У меня была подруга, которая продолжала носить мальчишескую одежду, косички, и все также заступалась за меня, но скорее по привычке, нежели по необходимости. Просто потому, что я был выше ее на тридцать сантиметров, и шире в плечах. Но казалось, она не замечала, что ее боевой друг вырос и стал взрослым парнем. Она продолжала видеть во мне своего старого хромого друга. О чем я безумно сожалел с каждым днем все больше.

Ночами, когда мне не спалось, и ноги безумно ныли после напряженного дня, я, лежа в кровати, смотрел в ночное звездное небо и мечтал, загадывал каждый раз одно и то же желание, чтобы мой друг Федора увидела во мне парня своей мечты. Чтобы влюбилась в меня, также сильно, как и я, чтобы мы начали встречаться, а когда выросли, завели бы семью.

Я четко представлял себе любимую боевую подругу в свадебном белом платье, как мы стоим друг перед другом, произносим брачные клятвы. Она улыбается, а я, подхватив ее на руки, кружу и бегу с ней. Во сне я часто видел ее карие глаза, ямочки на щеках и упрямый вздернутый носик.

После школы поступил в университет, а Федора продолжала учиться в школе. Она была младше на четыре года, и часто сокрушалась по этому поводу.

– Как я тебя оставлю на произвол судьбы? – возмущалась она, – Но если тебя там будут обижать, я всех найду и накажу!

В ее словах не было сомнений, я серьезно кивал, стараясь не рассмеяться.

Тем временем юношеские чувства крепили, превращаясь в нечто более глубокое, видя, как моя Федька растет, превращаясь в красивую девушку, хрупкую и, вместе с тем сильную. За ней уже начинали увиваться кавалеры, заставляя меня скрипеть зубами, и считать себя недостойным ее.

Я бы так и молчал о своих чувствах, если бы в один погожий весенний денек случайно не стал свидетелем сцены, главной героиней которой явилась моя подруга. После занятий, подъехав к дому, остановил свой дряхлый 'Жигуленок' на обычном месте. Вышел из машины, вынул трость и, привычно осмотревшись по сторонам, заметил кучку ребят. Для нашего двора обычное дело. Ну, подумаешь, столпились. Мало ли что они там делают. Я бы так и похромал мимо, если бы не звонкий и любимый голос, гневно кричавший что-то.

Я поспешил к толпе. Моя мелочь стояла в центре и что-то доказывала местному хулигану. Тот, сложив руки на груди, надменно на нее смотрел.

– Я тебе уже сто раз говорила, у меня есть парень! – кричало мое солнце. Я нахмурился, и когда успела обзавестись?

– Хромоногий, что ли? – надменно спросил оппонент. Я улыбнулся, ожидая реакции

Федоры на то, что кто-то может посчитать нас парой. Потом нахмурился, ведь опять полезет в драку!

Реакция Феды не заставила долго ждать. Девушка, подобравшись и нахохлившись, как воробей, ринулась в атаку.

– Да он в миллион раз лучше всех вас вместе взятых! – гневно кричала она, размахивая кулачками. Я вздохнул, опять будет вся в синяках и ссадинах. Недолго думая, пробрался в самую гущу, и начал вытаскивать свою драчунью из передрыги. До сих пор помню лица ошалевших парней, которые никогда не замечали меня и считали размазней. Моя Федора тоже была удивлена тем, как я быстрыми и четкими движениями раскидывал шпану, получая ощутимые удары в ответ. Но именно в тот момент я доказал, что чего-то стою, что могу защитить свою любимую девушку, которая, кстати, продолжала смотреть на меня с открытым ртом.

В тот день была очередь Феды смазывать и промывать мои ранения.

– Федь, ну хватит уже! – не выдержал я ее заботы и легких прикосновений к ссадинам. Но предательская счастливая улыбка никак не хотела сползать с моей физиономии. Тогда я мысленно похвалил закардонную легкую промышленность за брюки широкого покроя. Легкие прикосновения, охи и ахи, ворчание, все это меня основательно выбило из колеи. А Федора, ничего не замечая, заставила стянуть футболку, и наглядно продемонстрировать боевые раны. Я сидел на диване в своей комнате у окна, а Федора порхала вокруг, проклиная нерадивую молодежь.

– Ты чего ворчишь? Как бабка старая, – проговорил я, морщась, когда она прижигала очередную ссадину.

– Не дергайся, так только больнее! – прошипела девушка. Я послушно замер. Она залезла на диван с ногами, и начала обрабатывать ссадину на скуле, – Рикардо, ты ничего не хочешь мне сказать? – как-то вкрадчиво спросила моя малышка.

Я напрягся, думая, неужели она догадалась о моих чувствах, тщательно скрываемых уже, Бог знает, сколько времени.

– Что именно? – уточнил я. А может быть не все так плохо, ведь она звала меня 'Рикардо' когда была в отличном расположении духа, ну или хотела что-нибудь попросить, любимых конфет, например, которые я всегда покупал для нее.

– Ты с каких пор кулаками машешь? – прищурившись, спросила она.

– А, это, – расслабился я, – Ну, со школы еще.

– В каком смысле 'А, это'? – еще больше нахмурилась моя малышка, – Есть что-то еще, что мне нужно знать?

Вот теперь мне точно не отвертеться, вздохнул я. Мозг, лихорадочно работая, соображал, как мне все объяснить маленькой шестнадцатилетней девочке, которая во мне всегда видела только друга. Я внимательно смотрел в ее глаза и ждал. Сам не понимал чего, но ждал. Через несколько минут напряженного молчания, малышка всхлипнула и разрыдалась у меня на груди. Я, крепко прижав ее к себе, вдыхал запах ее волос, родной и любимый, и прятал улыбку.

– Ну, все, успокойся, – пробормотал я. В ответ Федора только икнула, но плакать

почти перестала.

– Я тебе теперь совсем не нужна, да? – с трудом я разобрал ее слова.

– Ну, с чего ты это решила? – возмутился я.

– Ты ведь и сам себя защитишь, – прошептала она. Я только рассмеялся, железная логика.

– Глупости, – прошептал я, поглаживая ее по спине, – Ты мне очень нужна.

Подняв ко мне свое личико, малышка улыбнулась.

– Правда? – тихо спросила она.

– Правда, – серьезно сказал я, вытирая с ее щек мокрые дорожки слез.

Федора улыбалась, глядя в мои глаза. Сам не понял, что на меня нашло тогда, но я, наклонившись ближе к ней, почти прикоснулся своими губами к ее. Так, как мне давно хотелось.

Малышка, резко отстранившись, вновь спрятала свое лицо на моей груди. Я ругал себя последними словами, корил за то, что спугнул ее. Но радовался тому, что она продолжала сидеть в моих объятьях.

Почувствовал ее несмелые прикосновения к своей спине. Маленькие ладошки осторожно поглаживали спину вдоль позвоночника. Почувствовал, как сердце учащенно забилось в груди. Робкая надежда, которая раньше была похожа на маленький росток, пробивалась и крепла.

Вдруг Федора резко выпрямившись, слезла с дивана и отошла от меня на пару шагов. По ее напряженной позе понял, что сейчас мне светят разборки.

– Аристарх, – начала она. Я мысленно застонал, всё, если 'Аристарх', значит дело плохо, – я сейчас кое-что скажу, ты не перебивай. А потом я уйду, ладно?

Я молчал, настороженно смотря на нее.

– В общем, так, – сказала она, отвернувшись к окну, – я понимаю, что я – драчливая, взбалмошная, и всегда доставляю тебе кучу хлопот, ну и не только тебе, но и всем вокруг. Но я ведь не такая плохая, да?

– Ты самая замечательная, – тихо сказал я, но она продолжала, как будто не слыша моих слов.

– Так вот, я ведь не плохая, – продолжила она, потом вздохнула, – Мы с тобой сколько дружим? Уже вечность, и почти все друг о друге знаем.

– Да, – тихо подтвердил я.

– Ну что ты меня перебиваешь! – возмутилась она, – Я ведь просила не перебивать.

Я поднял руки вверх, обещая молчать.

– Аристарх, я тебя знаю вечность, – уже не так уверенно продолжила она, не оборачиваясь ко мне, – В общем, я долго думала и решила, что тебе нужно еще кое-что узнать обо мне. И если ты после моих слов прогонишь, я уйду, и никогда не потревожу тебя.

Она резко замолчала. Потом, глубоко вздохнув, выпалила.

– Я люблю тебя.

Меня как будто стукнуло чем-то. Я, с трудом поднявшись, приблизился к ней, встав в нескольких сантиметрах от девочки.

– Я знаю, ты скажешь, что мы друзья, – тараторила она, – Но с Пашкой мы тоже друзья, или с Сенькой, а хотя он мне брат, но и друг тоже. В общем, у меня есть еще друзья, и в школе тоже мальчишки, я с ними общаюсь иногда, так вот. Блин, я не о том говорю. Короче, мне не хочется их целовать, как тебя. В общем, я люблю тебя, как парня. По взрослому, наверно.

– Тебе всего шестнадцать, – сипло прошептал я, – Что значит 'по-взрослому'?

– Да какая разница, сколько мне лет?! – уже громче и увереннее сказала малышка, – Ладно, я все сказала, мне пора.

Она развернулась и наткнулась на мою грудь. Обняв ее за плечи, крепко прижал к себе, не желая отпускать. Глупая улыбка прочно поселилась на моем лице. Я, взрослый парень, и побоялся сказать ей о своих чувствах. А она? Маленькая девочка, самая смелая, из всех людей, которых я когда-либо встречал, не испугалась.

– Я тоже тебя люблю, – прошептал я, вдыхая аромат ее волос, – Сильно-сильно, – добавил я.

Федора, подняв ко мне свое улыбающееся личико, вздохнула. Приподнявшись на цыпочки, обхватила меня за шею и неумело прикоснулась к губам.

Наш первый поцелуй, с улыбкой на моих губах и привкусом слез на ее, врезался в мою память, как одно из самых нежных и счастливых воспоминаний.

Мы целовались, устроившись на диване, смеялись, вспоминая последние события. Тогда будущее казалось безоблачным и счастливым. Не заметили, как на улице совсем стемнело, родителей не было в городе, они уехали в очередную командировку. В квартире мы остались одни. Решили посмотреть какой-нибудь фильм, Федора побежала на кухню, приготовить перекусить, а я копался в своей фильмотеке, в поисках ее любимого фильма.

Пужинав, улеглись на диване, как и много раз до этого дня. Вот только теперь я мог свободно обнимать мою малышку, устроив свою голову на ее коленях, и чувствовать прикосновение ее маленьких пальчиков к волосам. Вот оно, счастье!

Сами не заметили, как уснули, обнявшись. Меня разбудил требовательный звонок в дверь. Я, осторожно встав с дивана, пошел открывать.глянул на время, три часа ночи. Мысленно отвесил себе подзатыльник, даже не догадался напомнить малышке позвонить домой, чтобы не волновались. Вот точно, от счастья мозги совсем отключились. Едва успел открыть дверь, как меня припер к стене один из старших

братьев Федоры.

– Она у тебя? – грозно рычал Арсений, удерживая меня за горло.

– Да, – сказал я, освобождаясь от его хватки.

– Ты чего, совсем охренел? – орал Сеня, – Да я тебя за Федьку урою! Ты чего с ней тут делал, урод?!

– Ничего, – спокойно сказал я.

– Вижу я твое ничего! – продолжал орать Сеня, – Ты на себя посмотри! Вышел тут, практически, в чем мать родила, и говоришь, ничего не делал? Ты в курсе, что она несовершеннолетняя?

– В курсе, – спокойно ответил я.

Сеня вновь, зверея, набросился на меня, опять ухватив за горло. Славка подскочил, начал нас разнимать.

– Отпусти его! – услышал я голос малышки.

– А ну быстро собралась и домой! – скомандовал Славка.

– Ага, а вы его тут бить начнете, – закричала малышка, – Фигушки, я останусь!

– Быстро домой! – заорал Арсений, – Завтра уезжаешь!

– Как? – прошептала она, – Не поеду! – уже уверенней сказала Федора. Я, ударив Арсения по ребрам, скинул его руки, и подошел к Федоре. Что я мог ей сейчас предложить? Ничего?! Без профессии, на шее у родителей. Вздохнул.

– Малыш, – тихо сказал я, осторожно поглаживая ее по щеке, – Иди с ними.

– Ты от меня отказываешься? – прошептала она, распахнув глаза, и с недоумением смотря на меня.

– Нет, что ты, – вздохнул я, – Просто так нужно сейчас.

Несколько минут Федора смотрела в мои глаза, потом кивнув, крепко обняла.

– Люблю тебя, – тихо шепнула она.

Я наклонил голову к ее волосам, чувствуя спиной хмурые взгляды братьев Федоры.

– Я тоже тебя люблю, – прошептал я в ответ, – Я приеду за тобой.

Она подняла свое личико ко мне, грустно улыбнулась.

– Я буду тебя ждать.

Я только улыбнулся

Терпение братьев кончилось, и Арсений, вырвав ее за руку из моих объятий,

потянул к входной двери. А Ростислав, подойдя ко мне, ударил кулаком в живот.

– Не увидишь ее больше, усек? – спокойно сказал он.

– Не тебе решать, – прохрипел я.

– Увидим, – сказал он и вышел вслед за родственниками.

На утро я услышал, что Федору увезли к старшему брату. Где он живет, мне никто не говорил, почти каждый день я приходил к соседнему дому, в надежде хоть что-то узнать. Но каждый раз только натыкался на насмешливые взгляды братьев Федоры.

Я оставил надежду хоть что-то узнать о моей девочке, сосредоточившись на учебе. Все что осталось, это ее фотография и мои воспоминания о ней.

Шли дни, а я все надеялся на чудо. Надеялся, что однажды, возвращаясь домой, увижу ее фигурку на качелях, или у двери своей квартиры, или в парке, или сидящую на лавочке у подъезда. Но чудо не свершалось. А вот проблем было выше крыши.

Через полгода после исчезновения Федоры погибли мои родители, возвращаясь из очередной командировки. Им навстречу вылетела фура. Водитель грузовика уснул за рулем.

Теперь я остался один. Ни семьи, ни любимой, ни друзей. От отчаяния хотелось рычать и выть. Каждый день спрашивал себя, почему я? Потом, смирившись, решил проверить правдивость слов 'Что нас не убивает, то делает сильнее'.

Продал квартиру родителей, оставил немного денег на первое время, и начал свой бизнес. Что-то купил, что-то продал. Когда скопилась приличная сумма денег, открыл счет в банке. Позже я въехал в элитную квартиру в центре города, и открыл еще два филиала фирмы.

Новоселье я отмечал один. Купил любимые конфеты Федоры и весь вечер смотрел ее любимый фильм. На тот момент я не видел свою девочку уже почти три года.

Каждый ее день рождения праздновал, а про свой постоянно забывал. Смотрел на ее фотографию и гадал, изменилась ли она, чем занимается, где учится.

В офисе на моем рабочем столе стояла ее фотография в рамке. Пожалуй, только лицо малышки, ее карие глаза, воспоминания о ней и мое обещание ее найти, не давали мне свихнуться. Хотя иногда я считал себя психом.

В один из таких дней решил, что хватит быть тряпкой, пора бы начать искать ее. С момента нашего расставания на тот момент прошло шесть лет. Я обратился в частное сыскное агентство. И через две недели у меня на столе лежала вся информация, которую только можно было отыскать. Даа, деньги творят чудеса, а большие деньги творят их быстро.

Собрав вещи и упаковав их в чемодан, вызвал водителя. Позвонил секретарше, попросил забронировать номер в гостинице. Если выехать сегодня, то еще до наступления темноты попаду в город, где все это время жила моя девочка.

Очнулся от воспоминаний. Огляделся, все тот же дворик, все тот же дом, в котором

я вырос, влюбился и прошел через кошмар. Теперь, спустя шесть лет, вновь появилась надежда на счастье.

Встав с качелей, вернулся к машине. Краем глаза увидел свое отражение в стекле. Во мне почти ничего не осталось от того Аристарха, с которым дружила Федора. Я стал жестким, порой безжалостным, циничным, не ожидающим от окружающего мира ничего хорошего. Изменился не только характер, но и внешность. На носу появилась горбинка, как следствие перелома. Волосы теперь стригу коротко, но во время каждой стрижки помню, как Федоре нравилось зарываться в них пальцами. В весе я тоже прибавил, каждый день посещал тренировки и спортивный зал. Стильная и дорогая одежда подчеркивала мускулистые плечи и высокий рост. Из прошлого со мной остались только фотография моей девочки и хромота.

– Едем? – поинтересовался Андрей, придерживая дверь для меня.

– Едем, – сказал я, садясь в машину и пристегивая ремень безопасности. Взял в руки папку с биографией Федоры Сергеевны Романовой. Теперь осталось всего-то ничего, ворваться ураганом в ее жизнь со словами 'Любимая, собирайся, я за тобой!', взвалить на плечо, побить братцев, желательно всех троих и жить долго и счастливо.

В уголке сознания забилась противная мысль. А вдруг я ей больше не нужен? Вдруг она нашла достойного человека и влюбилась? Ей уже двадцать два, можно и замуж выходить. Я вздохнул, совершенно не зная, что делать, если все на самом деле так и есть. Но опять трусить и жить так дальше я был не намерен. Устал я без нее, без моей маленькой защитницы.

Водитель остановил машину около двухэтажного особняка с высокими металлическими воротами. Вздохнув, прихватил трость и вышел из машины. Внутри все сжалось от ожидания, волнения и тревоги. Расправил плечи и позвонил в домофон.

– Кто там? – услышал я женский голос.

– Мне нужна Федора Сергеевна Романова, – сказал я, – Она дома?

– Дома, а вы собственно кто будете? – поинтересовался все тот же голос.

– Друг, – ответил я.

Последовал щелчок, возвестивший о том, что меня впускают внутрь.

– Ну, что ж, – прошептал я, – Время действовать.

Войдя во двор, не осматриваясь по сторонам, пошел к двери дома. Не успел я подняться по ступенькам, как открылась дверь и высунулась головка девушки лет двадцати. Черные волосы, торчащие в разные стороны, раскосые карие глаза с любопытством смотрели на меня.

– Быстрее давайте! – тихо сказала она. Я удивленно поднял брови, – Вы, правда, друг Федьки? Это хорошо, потому что у нее кроме меня больше нет друзей. Я бы Вам не открыла, просто мне голос Ваш понравился. Спокойный.

Девушка щебетала, а я осматривался, гадая, где моя девочка.

– Я, кстати, Зарина, – представилась она, потом переведя взгляд на трость, спросила, – Вы хромаете?

– Да, – сухо ответил я.

– А Вас как зовут?

– Аристарх, – ответил, не обращая внимания на девушку. Ну, где моя Федора, а? Ждал шесть лет, но уже последние минуты без нее просто убивали.

– Аристарх? – шепотом переспросила барышня. Я кивнул. Она, схватив меня за руку, потащила куда-то, оглядываясь по сторонам, – Господи, что будет-то?!

Девушка замолчала и потащила меня за руку по дому. Остановившись в просторной комнате со стеклянной стеной, повернулась ко мне лицом.

– Она вон там, – махнула Зарина в сторону открытой двери во двор, – Только... в общем, не удивляйтесь ничему.

Я уже не слушал девушку, на ватных ногах пошел в сторону открытой двери. Хрупкая женская фигурка сидела на качелях, и, запрокинув голову, смотрела на хмурые облака. Я осторожно приблизился, с жадностью лоя и впитывая каждую черточку, каждое движение моей малышки.

– Привет, – прошептал я. Федора осторожно перевела взгляд затуманенных карих глаз на меня.

– Тихо, – прошептала она, – Молчи, а то опять исчезнешь.

– А ты хочешь, чтобы я исчез? – прошептал я в ответ.

– Ты всегда исчезаешь, – также тихо прошептала она.

– Не в этот раз, – уже громче сказал я.

Федора, как будто очнувшись, посмотрела на меня уже осмысленным взглядом. Протянув руку, прикоснулась ко мне, проверяя, не исчезну ли я. Прикоснулся к ее ладонке, ласково погладил по пальцам. В следующую секунду моя девочка, подскочив на ноги, прыгнула на меня, обхватывая ногами талию, а руками крепко обнимая за шею.

– Я знала, – шептала она, – Я верила. А они всё ввали.

Я стоял, уронив трость, и крепко прижимал малышку к себе. Все чувства разом нахлынули, заставляя горло сжиматься и не позволяя сказать ни слова. Ощущение покоя и уюта, как будто долго отсутствовал и вернулся домой. Безумная радость от того, что могу прикоснуться к моему маленькому чуду.

Федора плакала, что-то шепча, а я не мог разобрать ни слова. Через несколько минут она, обхватив мое лицо ладонями, прижалась своим лбом к моему.

– Ты меня любишь? – тихо спросила она.

– Безумно, – прошептал я, еще крепче сжимая объятия.

– Забери меня отсюда, – прошептала она.

Я, не выпуская ее, осторожно пошел к дому. Если раньше были сомнения, нужен ли я ей еще, то теперь, когда хрупкое тело моей девочки прижималось ко мне, а голос шептал, что она ждала и любила... Теперь я не отдам ее никому и ни за что!

Вошел в дом и направился к входной двери. Уже в холле увидел мужскую фигуру. Самого старшего брата Федоры я никогда не видел, но судя по сходству, это был именно он.

Я замер, ожидая его реакции. Федора, обернувшись, посмотрела на брата.

– Ненавижу всех вас, – прошептала она.

– Что за фигня? – услышал я знакомый голос Ростислава, – Аристарх??

– Удивлен? – надменно поинтересовался я. Тот сделал шаг в нашу сторону, но Клим, протянув руку, остановил его.

– Она говорит, – тихо сказал он, и, посмотрев в мои глаза, кивнул, – Я Клим.

Я кивнул в ответ. Когда переступал порог дома, нас догнала Зарина с сумкой в руках.

– Вот, тут ее вещи, – улыбнулась она, – Я в машину отнесу.

И промчалась мимо меня.

– Зарина! – услышал я крик Клина.

– В угол меня потом поставишь, Клим Сергеевич! – смеясь, крикнула она.

– Это Зарина, – прошептала моя малышка, – Она хорошая. Я ей все о тебе рассказала.

– Все-все? – шутливо поинтересовался я.

В ответ малышка опять прижалась ко мне. Возле машины стояла Зарина и ждала нас. Андрей, удивленно смотря на своего шефа, то есть меня, держал дверцу открытой. Удивление шофера было вполне понятным. Я впервые, за последние шесть лет, радостно улыбался.

Сел в машину, Федра продолжала крепко обнимать меня. Одной рукой прижимая ее к себе, второй поискал в кармане визитку. Протянул девушке, стоявшей возле машины.

– Спасибо огромное, – тихо сказал я. Зарина, взяв бумажный прямоугольник, улыбнулась.

– Можно я завтра приеду к вам? – спросила девушка.

– Конечно, – кивнул я, – Там номера моих телефонов.

– Скажи, пусть приезжает одна, – услышал я тихий шепот малышки.

– Приезжайте одна, – передал я слова Федоры. На улице поднялся ветер, растрепав волосы девушки. Она зябко укуталась в джемпер, – Идите в дом, иначе простынете. А мы уже поедем.

Водитель включил зажигание и медленно поехал вперед.

– Куда едем? – услышал я голос Андрея.

– Римма Александровна должна была тебе дать адрес гостиницы, – тихо сказал я. Водитель кивнул и, нажав на газ, помчал машину.

– Как же я скучал по тебе, – прошептал я.

– Я тоже, – всхлипнула малышка, – Я каждый день ждала тебя, а ты все не приходил.

– Прости меня, – улыбнулся я. Федора, отклонившись, посмотрела в мои глаза.

– Главное, что ты все-таки приехал, – прошептала она. Почувствовал, как ее пальчики поглаживают щеки, лоб, нос, – Ты изменился, но и кажется, что остался прежним.

– Такой же хлюпик? – улыбнулся я.

– Ты никогда им не был, – не улыбаясь, прошептала моя девочка, – Тебя поэтому и задирали, просто боялись. Нос все-таки сломал, – неожиданно сменила она тему.

– Да, – кивнул я, прижав ее ладошку к губам и целуя. Не мог не касаться ее, чувствовал, что просто умру, если не буду ее целовать, обнимать.

Через пятнадцать минут малышка начала засыпать. Я сев удобнее, устроил ее голову на своем плече. Столько хотелось узнать, спросить. Голые факты, которые добыли для меня частные сыщики, ни в коей мере не могли отразить жизнь Федоры на протяжении этих шести лет.

Как только Андрей припарковал машину около довольно престижной на вид гостиницы, я вышел, крепко держа Федору за руку. Но моя девочка, опять запрыгнув на меня, чем вызвала мой едва слышный смех и счастливую улыбку, отказалась идти пешком.

Потом опомнившись, расцепила ноги и встала на землю.

– Тебе наверно тяжело, – серьезно сказала она. Я отрицательно мотнул головой, сам немного наклонился и, подхватив малышку под бедра, посадил на прежнее место. Люди оборачивались, кто-то с осуждением во взгляде, кто-то с улыбками на лице,

но мне было плевать, главное моя девочка со мной. Мельком взглянул на Андрея. Тот улыбался. Схватив чемодан и сумку из багажника, пошел за нами следом.

– Иди вперед, – попросил я, – Вот паспорт.

Протянув документ парню, вновь прижал Федору к себе. Она, не стесняясь окружающих, начала покрывать поцелуями мое лицо, нос, глаза. В ответ я только прижимал ее крепче к себе.

Через несколько минут к нам подошел Андрей с ключами от номера. Благодарно улыбнувшись, попросил шофера отнести сумки в номер, а сам пошел следом. Андрей, поставив мой чемодан и сумку Федоры возле кресла, пошел к двери.

– Я Вам еще сегодня буду нужен? – с улыбкой спросил парень. Я хмыкнул.

– В случае чего, позвоню, – кивнул я. Андрей, попрощавшись, вышел.

Мы так и стояли в центре комнаты, обнявшись.

– Ты состриг волосы, – услышал я шепот Федоры, ее рука скользнула по моему затылку. Ответная реакция организма не заставила себя долго ждать.

– Могу отрастить, если так тебе нравится больше, – шепнул я.

– Мне без разницы, все равно это будешь ты, – улыбнулась любимая, – Почему ты так долго не приезжал, – с упреком спросила Федора.

Я вздохнул. Сейчас все причины казались несущественными. Мы потеряли целых шесть лет, а могли бы быть счастливы вместе. Если бы я не перестал искать ее тогда, то обязательно бы нашел.

Прикрыл глаза. Как ей сказать это? Мысли путались, не желая собираться в логическую цепочку.

– Малыш, – хрипло сказал я, – Прости меня.

Прихрамывая, подошел к кровати, присел на край. Федора, поерзав, уселась удобнее. Мое тело отзывалось на каждое ее движение.

– Девочка моя, – выдохнул я, – Лучше бы тебе так не делать.

– Знаешь, Рикардо, – с озорной улыбкой сказала она, – Лучше бы тебе что-нибудь уже сделать, я тут уже полжизни на тебе висну, так что, хватить быть благородным, – она обворожительно улыбнулась, – Я люблю тебя, всегда любила. И верю тебе. Если ты не приехал сразу, значит на то были причины. Но я не оставляла надежды, даже когда они...

Федора замолчала, зажмурилась. На миг на ее лице отразилась печаль и грусть.

– Все уже не важно, – торопливо сказала она, – Главное ты приехал.

– Господи, какая ты у меня... – я замолчал, подбирая слова.

– Дурочка? – подсказала малышка.

– Нет, – улыбнулся я, – Самая любимая, самая умная, самая красивая.

Федора засмеялась, и повалила меня на спину. Я не сопротивлялся, ее смех звучал музыкой.

– Как ты жил все это время? – ласково спросила малышка, устраиваясь на моей груди, и рассматривая мое лицо.

– Жил? – вздохнул я, – Да не жил я. А так, существовал.

– Я тоже, – грустно улыбнулась Федора, – И все из-за этих моих братцев! Не прощу их никогда!

Я отвел упавшую на лицо темную прядку волос.

– Девочка моя, – ласково сказал я, – Все уже в прошлом. И потом, они ведь твои братья, хотели как лучше.

– Ну и пусть! – упрямо возразила моя малышка.

– Федь, – улыбнулся я, отмечая, что характер ее остался прежним, такая же упрямая и храбрая, – У меня кроме тебя никого нет, а у тебя есть братья. Нужно ценить, то что имеешь.

– У меня есть ты, – упрямо заявила малышка, – Ведь так?

– Так, и никогда не сомневайся, – уже без тени улыбки на лице сказал я. В ответ получил очередной умопомрачительный поцелуй.

– Я подумаю, возможно, прощу их, лет через шесть, – снисходительно сказала Федора, я щелкнул ее по носу, – Ладно, так и быть, Славку я прощу раньше, он меня старался поддержать.

В ответ я только рассмеялся. Я вообще в последнее время не переставал смеяться и радоваться жизни, впервые за шесть лет и был намерен радоваться дальше вместе с Федорой, минимум лет девяносто. Перевернувшись и опрокинув мою девочку на спину, сообщил ей о своих намерениях.

3

Мария

У меня есть враг. Нет, не так! У меня есть ВРАГ, вражина, самый несносный человек, которого я знаю! Ненавижу его! Напыщенный, надменный, циничный тип! Мой новый сосед из тридцать восьмой квартиры, тот еще гад ползучий.

Я всю жизнь прожила с родителями, не зная забот. Ну, жизнь, конечно, это громко сказано, мне всего-то двадцать. Так вот в соседнюю квартиру вселились новые жильцы. Как и всем мне было любопытно, и однажды, возвращаясь с занятий, я шла нарочито медленно, чтобы поглазеть на переезд соседей. Как только подошла к грузовичку, перевозившему вещи, мне в руки сунули коробку средних размеров и мужской голос, громко крикнул:

– Спасибо за помощь!

Я хмыкнула, но решила помочь, типа жеста доброй воли. Пыхтя и тужась, потащила коробку. Дверь в соседнюю квартиру была распахнута, войдя внутрь, осторожно поставила коробку на пол, недалеко от входа. Уже развернулась и собралась выходить, отряхивая руки, когда увидела мужскую спину и затылок с собранными в хвост волосами. Мужчина шел спиной вперед, втаскивая какой-то предмет мебели. Рискнула предположить, что кресло-качалку. Я посторонилась, пропуская входившего. Парень, задев коробку, поставленную ранее мной на пол, споткнулся. Коробка отлетела в сторону, крышка открылась, и из нее выкатились стеклянные стаканы, превращаясь в осколки. Ёк-макарёк!

– Что за идиот догадался их поставить в проходе?! – заорал все тот же мужской голос.

– Вообще-то идиотка, – тихо поправила я. Мужчина, обернувшись ко мне, прищурился.

– Ты кто такая? – зло спросил он. Я молчала, во все глаза смотря на парня. На вид лет двадцать пять – тридцать, высокий, мускулистый, волосы собраны в хвост, темно-коричневого, почти черного цвета, глаза зеленые, от виска к щеке спускался шрам, привлекая мое внимание.

– Насмотрелась? – таким же грубым голосом, что и минуту назад, уточнил парень. Я фыркнула, и, развернувшись к двери, собралась выйти. Помогай людям, так еще и никакой благодарности.

– Ты куда? – догнал меня парень уже на площадке, – Ты мне посуду должна. Между прочим, стаканы коллекционные были.

– А не нужно было мне свою коробку в руки совать! – заверещала я, и, хлопнув дверью, скрылась в своей квартире. Потом меня начала грызть совесть. Вот зачем ее вообще выдумали? Как бы замечательно мне жилось без нее! В общем, переодевшись в домашние шорты и водолазку, пошла к соседям, обсуждать возможность перемирия. А заодно попрактиковаться в ораторском искусстве, в учебе пригодится. Училась я в юридическом институте, на третьем курсе. Группа у нас была дружная, все стояли горой друг за друга. Да и выбранная специальность привлекала меня.

Постучавшись в дверь, постаралась улыбнуться как можно дружелюбнее. Через минуту дверь распахнулась, и мой новый сосед, заслонив собой весь дверной проем, вопросительно уставился на меня.

– Чего надо, деточка? – насмешливо уточнил он. Я очень постаралась, чтобы моя улыбка не превратилась в оскал.

– Пришла извиниться за стаканы, – спокойно ответила я, – Я их поставила на пол не специально.

Парень, насмешливо разглядывая меня, кивнул. Приоткрыл дверь, пропуская в квартиру. Я вздохнула, ну что ж, войдем. Через секунду мне вручили половую тряпку и велели 'выдраить комнату, чтобы блестела, как у кота... в общем блестела'. Скрипя зубами, следующие двадцать минут оттирала пол, окно и стены. А хозяин квартиры, развалившись на том самом кресле-качалке и скрестив руки на груди, внимательно наблюдал за моими действиями, комментируя и указывая на невымытые кусочки пола. Я терпела, видит Бог, долго. Когда все было отмыто, отряхнув руки, выпрямилась. Осмотрев свою работу, повернулась к парню, который даже не представился, кстати.

– Все, дорогуша, извинения приняты, – надменно сказал он. Я обворожительно улыбнулась и, взяв ведро в руки, выплеснула все грязную воду на этого гада.

– За это я извинюсь в другой раз! – сказала я, и вышла, оставив фыркающего парня в одиночестве.

После выходных появилась на учебе с плохим настроением. Все воскресенье за стенкой сосед мучил дрель и всевозможные строительные инструменты. Одно радует, что ночью стояла гробовая тишина. Только ближе к утру я услышала тихое пение под гитару. Вот сволочь он, новый сосед, но поет красиво. Вспомнила его лицо, обыкновенное, не то чтобы красивое. Крупный нос, широкий лоб, еще и шрам все портит, не красавец словом. Но вот глаза, очень выразительные.

– Машунь, ты чего такая хмурая? – поприветствовал меня одноклассник Витя.

– Вить, отвали, – отмахнулась я, проходя в аудиторию и занимая последнюю парту.

– Ты лучше ближе сядь, сегодня новый препод, говорят зверь, – предупредил меня Пашка с передней парты. Я только отмахнулась.

– А еще он у нас тренировки по самообороне будет вести, Пал Иваныч ногу сломал, так этот вызвался, он какой-то мастер спорта и чемпион, – сказал Витя, садясь со мной за одну парту.

Все время, что мы учились вместе, Витька Шапошников пытался за мной ухаживать. Но мне это было не интересно, учеба стояла на первом месте и отнимала, практически, все время и силы, да и ждала я своего принца на белом коне. Короче, принца все не было, так что я предпочитала быть одна.

– Маш, – тихо сказал Витя, – Пойдем в кино?

– Вить, отвали, – прошипела я, – Лучше Дашку позови, вон она по тебе слюни как пускает.

Ответить он не успел, прозвонил звонок и в кабинет вошел новый преподаватель. Черный костюм, светло-голубая рубашка, верхние две пуговицы расстегнуты. Я сглотнула, и перевела взгляд выше. Шатен, волосы собраны в хвост, шрам на щеке и насмешливый взгляд зеленых глаз. Я вначале покраснела, потом побледнела. Были ли сомнения, относительно сессии... Однозначно, нет. Не сдам, то есть. Уже мысленно придумывала отговорки для родителей на тему 'Почему я завалила сессию'.

– Ну, товарищи, давайте знакомиться, – насмешливый голос и улыбка, – Я – Ростислав Сергеевич, ваш новый преподаватель по гражданскому праву.

Приплыли, сушите весла, Господа! – пропел мой внутренний голос. Гражданское право – один из основных предметов семестра, если не сдам, прощай стипендия. Я втянула голову в плечи. А что? Глядишь, моего соседа постигнет амнезия последней стадии, и он меня не вспомнит.

Новый препод начал знакомиться со студентами. Он просил каждого подняться и представиться. Как будто сам не мог почитать по списку в журнале! Когда до меня дошла очередь, я обреченно встала, избегая смотреть в лицо соседу.

– Мария Славянская, – представилась я.

– А отчество? – удивил он меня своим вопросом, никого не спрашивал, а тут ему мое отчество понадобилось.

– А зачем Вам, Бронислав Иванович...ээ Ростислав Баранович? – проямлила я под общий смех группы.

– Сергеевич, – кашлянул в кулак Витька.

– Сергеевич, – исправилась я, взглянув в глаза нахального соседа. Абсолютно серьезное, даже хмурое лицо, но вот глаза искрились смехом, делая его лицо юношеским, а шрам на лице менее заметным.

– И все-таки? – настоял на своем препод.

– Романовна, – дерзко ответила я. Все, прощай стипендия.

– Очень приятно, Славянская Мария Романовна, – кивнул он, – Присаживайтесь.

– Машка, ты чего? – шепнул Витька.

– Молодой человек, желаете что-то сказать? – обратился Ростислав Сергеевич к Витьке, – Отлично, для начала представьтесь.

Друг послушно встал, представился.

– Нет, Ростислав Сергеевич, сказать ничего не имею, – твердо проговорил парень. Препод кивнул, разрешая сесть другу на место.

За пять минут до окончания пары Ростислав Сергеевич 'обрадовал' нас новостью, что тренировки, которые обычно состоялись ежедневно в четыре вечера, переносятся на шесть. Так что теперь с шести до восьми нас будет мучить этот ученик Гитлера.

Я вздохнула, теперь домой буду приползать позже, соответственно свободного времени меньше. Эх, и когда мне моего принца искать-то?

Когда прозвенел звонок, все радостно вскочили со своих мест, смеясь и переговариваясь.

– Машунь, так как по поводу кино? Сходим? – все еще не унимался Витька.

– А Вас, Мария Романовна, я попрошу остаться, – услышала я спокойный и насмешливый голос препода.

– Сгинь, Вить, и без тебя тошно, – попросила я неугомонного друга и приготовилась к самому худшему.

Самое худшее в лице Ростислава Сергеевича поджидало меня, сидя на краю стола, и сложив руки на груди. Как только за Витькой закрылась дверь, препода встал и, спрятав руки в карманы брюк, с улыбкой посмотрел на меня. Какого черта он мне ТАК улыбается? Я немного растерялась.

– Мария Романовна, – вежливо проговорил он, – В свете последних событий хочу уточнить кое-что. Просмотрел Ваши отметки, я так понял, Вы получаете стипендию?

– Да, – не очень громко сказала я.

– Так вот, – продолжил этот... ну, наверное, красавчик, улыбка то у него очень даже ничего, да и рубашка, плотно натянутая на груди, подчеркивала мускулы. Блиин, не о том я думаю, – То, что мы соседи, ни в коем случае не повлияет на Вашу учебу. И вчерашние события тоже. Это я вам как преподаватель говорю.

Появилась надежда на успешную сдачу сессии, я едва заметно улыбнулась.

– Могу идти, Ростислав Сергеевич? – уточнила я, когда он замолчал. Парень кивнул. Я сделала шаг к двери, но вкрадчивый и немного надменный голос заставил обернуться.

– Мария Романовна, – я замерла. Передумал? Будет мстить?

– А как сосед, – Ростислав сделала шаг ко мне, – В качестве извинений постираешь мою футболку и джинсы, вечером заберешь.

Я во все глаза смотрела на этого гада. Нет, он все-таки кретин!

– Вы свободны, Мария Романовна, – вежливо сказал он.

Обернувшись, вышла из кабинета. Под дверью меня ждал Витька. Как только я вышла, он подскочил ко мне.

– Машунь, че это было? – начал друг допрос.

– Вить, я тебе сто раз говорила, отвали ты от меня! – вылила я свою злость и раздражение на парня.

– Проблемы? – услышала я надменный голос препода за спиной.

– Нет, – вежливо сказала я, и, оставив двух идиотов в коридоре, пошла на следующую пару.

После учебы помчалась домой, хорошо, что жила в соседнем квартале, пешком минут двадцать, а если на велике, то и того меньше. Собрала сумку для тренировок, включила комп. Оставался еще час свободного времени. В соседней квартире было тихо. Я, погрозив кулаком стене и показав язык, решила выйти раньше, чтобы до начала тренировок хватило времени на разминку.

В подъезде столкнулась с этим кошмаром. Сосед закрывал дверь квартиры. На меня даже не взглянул. Спортивная сумка на плече, куртка на распахку, стильная кепка на голове. Блин, ну вот что в нем такого, а? Смотрю и слюни подтираю!

Быстро закрыв дверь на замок, попыталась проскочить мимо соседа.

– Подбросить? – услышала я спокойный голос.

– Ннет, спасибо, я на велике... велосипеде, – торопливо сказала я, замерев на ступеньке.

– Как знаешь, – милостиво отпустили меня. Я пулей выскочила на улицу. Блин, вот дурра, велик дома оставила! Возвращаться не хотелось, ну да ладно, пешком пробегусь.

Переходя дорогу, услышала автомобильный гудок за спиной. Через секунду мне преградил путь ярко-синий спортивный автомобиль с тонированными стеклами. Дверь открылась.

– Садись, Мария Романовна, – услышала я смех соседа. Я вздохнула, ну что ж, лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Всю дорогу до универа мы молчали. Я исподтишка изучала нового соседа. Сильные руки крепко и уверенно держали руль. Лицо спокойное, вся его поза говорила о том, что он наслаждается вождением и скоростью. Машина плавно входила в повороты, скорость, с которой мы ехали, была максимально разрешенной в городе. Вообще, я немного побаивалась спортивных машин, но почему-то со Славкой мне ни капельки не было страшно. Славкой? Ёкарный Бабай! Что еще за Славка?

– Сокращено от Ростислава, – услышала я спокойный голос препода, – И, Маш, было бы лучше для тебя не говорить так вслух на занятиях. Мне как бы все равно, но... в общем, все ясно?

– Угу, – потеряно пробормотала я. Все, сегодня однозначно не мой день!

Приехав, пулей выскочила из машины, опасаясь, как бы никто не заметил. В раздевалке выдохнула свободно и, переодевшись, вышла в зал. Сосед уже о чем-то переговаривался со студентами. Не, ну неужели нельзя было надеть что-нибудь менее обтягивающее? Чего в майке мускулами сверкать?

Когда все студенты подошли, Ростислав начал тренировку. Вернее вызвал 'желающего', которым 'случайно' оказался Витька, и попросил провести занятия как обычно.

– Я погляжу, а завтра проведу сам, – таким же надменным голосом, каким он говорил на парах, поведал препод.

Всю тренировку ощущала на себе насмешливый взгляд зеленых глаз. Но подловить его я так и не смогла. В итоге во время спарринга пропускала удары, и зарабатывала синяки на свои вторые девяносто. После тренировки, усталая и злая, вышла на улицу. Витька уже поджидал меня на лавочке.

– Давай сумку, – предложил он. Я была настолько уставшая, что даже не возразила. Взгляд скользнул по парковке. Синяя иномарка рванула с места, оставляя на

асфальте следы от протекторов. Все, пора спать, уже всякая чепуха мерещится!

Возле подъезда потребовала свою сумку у Витьки и, поблагодарив, пнула его в сторону дома, а сама пошла к себе.

На лестничной площадке дверь в соседнюю квартиру была открыта. Оттуда доносился визг. Разборки? Почему-то мне даже и в голову не пришло, что сосед живет не один. Появился осадок разочарования. Да что за день-то такой? Вот ведь все было хорошо, жила себе, никого не трогала!

– Ростик, ты придурок? Что значит, тебе не интересно? – визжал женский голос. Я даже поморщилась. Противный такой, все равно, что скрип ногтем об оконное стекло.

– Да кто на тебя посмотрит? Ты себя в зеркале видел? – продолжал визжать голос.

В общем, мне, как истинному борцу за справедливость и защитнику сирых и убогих, приспичило заступиться за препода. А вдруг его эта мымра прибьет? Кто будет у нас лекции вести? Да и тренироваться нужно!

– Да ты ж урод, каких поискать! – никак не успокаивалась барышня, – Ты где такую дуру найдешь, которая тобой заинтересуется?

Барышня уже стояла в пороге квартиры, размахивая сухонькой лапкой с наращенными когтями.

– Слышь, куколка, хватит панику разводить! – гаркнула я. Барышня удивленно посмотрела на меня.

– Ты вообще кто такая? – уже спокойнее спросила 'куколка'

– Очевидно та самая дура, – морщась от головной боли, вызванной визгами куклы, спокойно ответила я.

– Какая дура? – не поняла барышня. Нет, либо я говорю не внятно, либо у куклы мозг напрочь отсутствует.

– Слушай, крашенная..., нет, просто крашенная, – уже громче сказала я, – Когда все к Господу Богу за мозгами стояли, ты в какой очереди прохлаждалась? За тупостью? Я тебе сказала, что я – та самая дура, которая на этого парня посмотрела. Все понятно? Или еще раз повторить?

Куколка несколько раз похлопала ресницами, обернувшись к соседу, гневно заорала:

– Да ты меня ради этой..., - верещала она, – Ты меня бросаешь ради этой... даже не девушки, а какого-то недоразумения?

– Угу, – промычал сосед, скрестив руки на груди. Кукла, повизжав еще немного, развернулась и помчалась вниз по лестнице.

– Копытца не потеряй! – крикнула я ей вслед.

– Заткнись, уродина! – услышала я в ответ.

– Сама такая, – закричала я, перегибаясь через перила, – У меня хотя бы все натуральное, а у тебя, а, жертва имплантатов?

Сзади до меня донесся смех. Сосед, не меняя позы, разглядывал меня и смеялся.

Я покраснела.

– Ростислав Сергеевич, вы это, простите, что вмешиваюсь, – сбивчиво проговорила я, – просто эта ваша... так визжала, а у меня голова болит. Короче, давайте свои вещи, я стираю.

– Заходи, – махнул сосед рукой, я послушно вошла в квартиру соседа, с момента моего последнего посещения появилась новая мебель, коробки еще были не разобраны, но было видно, что сосед обжился.

– И так как мы не в универе, можешь звать меня по имени, – засмеялся парень, и подняв руки вверх, – Только Бога ради, не Ростиком.

– Хорошо, – улыбнулась я в ответ. Я потопталась в пороге, ожидая пока мне вручат пакет с вещами, и опустят домой, предаваться глупым фантазиям.

Услышала звонок в дверь.

– Надеюсь, это не ваша. кхм... кукла, – покраснела я.

– Я тоже, – как-то грустно улыбнулся парень, протискиваясь мимо меня. Славка открыл дверь. Оказалось, что пришел посыльный из ресторана, принес заказанный ужин. Уух, буржуй! А мне еще бы приготовить надо, обычно готовила мама, но ее нет дома, а отец в командировке.

Ростислав расплатился и занес заказ в квартиру.

– Ладно, Ростислав Сергеевич, давайте шмотки, я пойду, – сказала я, поправляя на спине рюкзак.

– Маш, может быть, составишь компанию? – как-то неуверенно спросил он. Наверное, мои глаза вывалились от удивления из орбит, потому как препод начал пояснять, – Я брата позвал, а он не может. А обед уже на двоих заказал. Так как? В качестве извинения за грязную воду на моей одежде. Идет?

Я скосила глаза на эмблему ресторана, красовавшуюся на упаковке. Вкусно наверно!

– Ладно, – согласилась я через пять минут размышлений, – Только я вам пару вопросов по предмету задам?

– Если захочешь, могу тебе и лекция почитать, – улыбнулся парень.

– Э, нет, лекции мне и на занятиях хватает, – улыбнулась я. Слава, протянув руку, забрал мой рюкзак, и кивнул в сторону зала, приглашая войти.

– Я, конечно, еще не успел все разобрать, – улыбнулся он, – Но посуда уже почти вся на местах. За исключением моей коллекции стаканов.

– Я извинилась! – возразила я.

– Я помню, Мария Романовна, – услышала я веселый голос из кухни.

– А я надеялась, что у вас, Ростислав Сергеевич, провалы я памяти, – ответила я тихо. Но Слава уже стоял в пороге комнаты, поэтому хорошо расслышал мои слова.

– Я так и понял, – продолжал смеяться он, – Особенно когда увидел, как вы, Мария Романовна, косите на парах под мебель.

– Ничего я не косила, – возразила я, осматривая обстановку и несколько рамок с фотографиями, которые хозяин квартиры начал вынимать из коробок, но еще не успел развесить. На одной из них на меня смотрела молоденькая девушка, с длинными темными волосами, заплетенными в косы. Приветливая и открытая улыбка подкупала и располагала к себе. На следующем снимке была все та же девушка, но уже в окружении троих мужчин, одним из них был Ростислав, но на его лице еще не было шрама. Девушка уже не улыбалась, в ее взгляде читались обреченность и тоска.

– Ну, Мария Романовна, просим к столу, – услышала я голос Ростислава.

Парень уже расставил приборы на столе и, облокотившись плечом о дверной косяк, смотрел на меня. За ужином мы разговаривали, в основном, о праве и о профессии адвоката. Слава оказался очень приятным собеседником, и когда не язвил и не насмехался, на его лице появлялась мальчишеская улыбка, смягчающая черты лица и шрам. На улице совсем стемнело, но покидать квартиру нового соседа почему-то совсем не хотелось. Посмотрев на часы, вздохнула, не хочется уходить, но нужно. Завтра на учебу вставать рано, да и устала я за день.

– Пора уходить? – прокомментировал мой взгляд на часы Ростислав. Откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди, внимательно смотрел на меня. В отличие от пятницы, его взгляд не был надменным, а каким-то уютным и очень приятным.

– Да, утром на учебу, – вздохнула я, поднимаясь из-за стола.

– К первой паре? – спросил Ростислав, поднимаясь вслед за мной. Я кивнула. Парень, проводив меня до двери, улыбнулся, – Спасибо за приятный вечер, Мария Романовна.

– Всегда, пожалуйста, Ростислав Сергеевич, – вежливо ответила я, – И спасибо вам.

Ростислав только пожал плечами, мол, не стоит благодарности. Я вышла за дверь, под пристальным взглядом зеленых глаз, открыла дверной замок своей квартиры и на миг оглянувшись, зашла к себе. В зеленом взгляде была какая-то задумчивость, странно все это, решила я. Приняв душ, пошла к себе в комнату. Лежа в кровати, мысленно прокручивала сегодняшние события. Не заметила, как провалилась в сон. Разбудил меня тихий голос за стенкой, певший под гитару. На часах было шесть тридцать утра. Круто, и будильника не надо. Вздохнув, потянулась и потопала в душ.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/book/nataliza-koff/my-vse-esche-vragi-68864892/>

